

Мария Федотова

Шалунья Нулгынэт

Мария Федотова
Шалу́нья Нулгы́нэ́т

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2017

УДК 82-272.4
ББК 978-5-905672-28-6

Федотова М. П.

Шалунья Нулгынэт / М. П. Федотова — Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2017

ISBN 978-5-905672-28-6

«Шалунья Нулгынэт» – маленькая повесть в рассказах об эвенской девочке. Она – единственный ребёнок на всю округу. Нулгынэт живёт в семье кочевых оленеводов, и даже её имя означает «рождённая во время кочевья». Жизнь в тундре сложна, но маленькая шалунья растёт счастливым ребёнком. Эти рассказы – истории из детства автора, Марии Прокопьевны Федотовой-Нулгынэт. На русский «Шалуню Нулгынэт» перевела Ариадна Борисова. За это произведение автор и переводчик награждены премией Владислава Крапивина в номинации «Малая Родина». Рекомендуем для младшего школьного возраста, для семейного чтения.

УДК 82-272.4

ББК 978-5-905672-28-6

ISBN 978-5-905672-28-6

© Федотова М. П., 2017
© Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2017

Содержание

Предисловие	6
Рождённая во время кочёвки	6
Мангай умчу	8
Мамочка Омни	10
Привези мне солнышко	12
Пенка	13
Смерч	14
Белый оленёнок	17
Собачье ухо	18
Туллай	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Федотова
Шалунья Нулгынэт
(маленькая повесть)

© М. Федотова, текст, 2017
© А. Борисова, перевод, 2017
© М. Алекса, иллюстрации, 2017
© Генри Пушель, издание, 2017

* * *

Предисловие

Рождённая во время кочёвки

Жаль, что ушла традиция давать детям настоящие имена. Те, которые только тебе одному и подходят. На встрече с читателями мы придумываем, как бы кого назвали, вспоминая, что же рассказывали родители интересного про наши первые дни жизни. А нашей гостье придумывать не надо. Она родилась 31 декабря 1946 года, в тайге, на перевале горы Кисилях Усть-Янского улуса в семье кочевых эвенов по дороге в участок Буур Хаайбыт. «Мама тогда буквально успела сунуть меня за пазуху, потому что остановить нартенных оленей было невозможно. Приехав в участок Буур Хаайбыт, покормили огонь, нарекли меня Марией Нулгынэт – по-эвенски «рождённая во время кочёвки», – рассказывает читателям Мария Прокопьевна Федотова-Нулгынэт, лауреат премии Владислава Крапивина. Затем она учит уральских школьников здороваться по-эвенски. Мы ищем на карте её посёлок Хонуу в Момской районе Якутии. Ого, как далеко от Урала! На Северном полярном круге! Минус 60 и даже 70 градусов зимой! Всё же большая у нас страна. И так интересно узнавать, как живут разные народы. Взрослые и дети долго не отпускают писателя со встреч. Всё хотят узнать: и как оленьей упряжкой управляла, и как верхом на быке ездила. Как на рыбалку ходит с удочкой на хариуса, как одевается в минус 60, чтобы не замёрзнуть, умеет ли колдовать... Водитель библиотеки, охотник, качает головой: «Не, я, как вы, с лёта в утку не попаду...»

Мария-Нулгынэт ведёт кружок «Эвенская культура». Она привезла с собой национальные обереги с бубенцами, которые сделали её ученицы. Счастливчики, получившие сувенир, тут же привязали их к волосам.

Мария Прокопьевна владеет эвенским и якутским языками, она филолог, преподавала якутский язык в школе. Писать начала с детства. Сейчас у неё вышло двадцать книг для взрослых и детей.

В книге «Шалуныя Нулгынэт» она рассказывает о своём детстве. Это только первая часть большой повести о жизни девочки с Крайнего Севера. Продолжение пока не переведено на русский язык.

«Стараюсь рассказывать детям простым языком о приключениях своих героев, привожу юных читателей к выводу о том, что никогда не следует руководствоваться ненавистью и злобой. В доступной форме знакоблю читателей с уникальной природой Севера и ее обитателями», – рассказывает Мария Прокопьевна о своей повести, которая в 2015 году получила премию Владислава Крапивина в специальной номинации «Малая Родина».

Перевела рассказы Ариадна Борисова – член Союза писателей России, писатель, переводчик с якутского на русский. Нашим читателям Ариадна Валентиновна известна детской повестью «Записки для моих потомков» (стала финалистом премии Владислава Крапивина 2010 года) и эпосом «Земля удаганок» (вошла в лонг-лист премии «Русский Букер» 2010 года).

Мария Прокопьевна вернулась домой, к ученицам, рыбалке, рукописям. А на Урале оставила куклу для театра – шалуныю Нулгынэт. Теперь она ходит на встречи к читателям, рассказывает про удивительный край, мудрых людей и маленькую девочку Нулгынэт.

Нулгынэт – единственный ребёнок на всю округу. Но никогда не скучает, не жалуется, не ноет. Ещё она никогда не злится и не паникует. Не знаю, как другим читателям, а мне есть чему поучиться у Нулгынэт.

*Ольга Колпакова,
писатель, член оргкомитета Международной литературной премии
Владислава Крапивина*

Мангай умчу

Благодатные осенние деньки. Я играю возле палатки. Рядом мама шьёт торбаза.

– Когда ты была маленькой, ты говорила разные смешные слова, – вспоминает она. – Например, «мангай умчу».

– А что это такое?

– Если находила ягоду голубики, сама не ела, несла мне. И кричала при этом: «Мангай умчу! Мангай умчу!»

– А-а, значит, я голубику так называла!

Днём с маленькой деревянной кружкой я отправилась «мангай умчулить». Вокруг палатки словно голубой дымок вьётся по кустам – полным-полно голубики, крупной, сладкой, с багряной мякотью под тонкой кожей. Тропинки разбегаются в разные стороны, ягодные кусты зовут вперёд, и я отхожу всё дальше и дальше.

Вдруг позади меня кто-то часто и громко задышал. Я оглянулась: ой, кто это?! Огромная собака со светло-жёлтыми глазами ступала по моим следам. Я испугалась и, приговаривая: «Эй, уходи, чэт, чэт», припустила по тропинке. Собака угрожающе ощерила длинные острые зубы. Она, видимо, почувствовала запах детеныша чубуку¹ – из его шкуры пошита моя шубка. Пронзительно вереща, я кинула в собаку землёй. Она тоже испугалась, тихо повернулась и исчезла в кустах кедрового стланика.

Я наполнила кружку вкусными дымчатыми ягодами. Вернувшись домой, угостила всех «мангай умчу» и рассказала о встрече с собакой.

– Такая большая! Чуть не укусила меня!

¹ Чубуку – дикий баран.

Брат попросил меня показать место, где я видела собаку, а посмотрев на её следы, воскликнул:

– Глупышка! Волка за собаку приняла!

Мама взяла мою шубку и, что-то таинственно шепча, подожгла краешек-хвостик. Это было так смешно, что я не выдержала и расхохоталась.

На следующий день я снова пошла собирать «мангай умчу». Подражая матери, сделала вид, что тихонько приговариваю себе под нос, взяла спички и тоже подожгла край шубки. От палёной шерсти поднялся неприятный запах. Только после этого я решила отдалиться от палатки.

Чтобы отпугнуть волка, я стала делать так каждый день. Но однажды случилось ужасное: огонь вспыхнул, я не успела затушить, и моя шубка сгорела дотла. Мама сильно рассердилась и отстегала меня тонким прутиком. Мне было очень обидно, я плакала и кричала:

– Я не виновата, оно само загорелось! Если бы шубка не сгорела, я бы её сама наказала, чтобы слушалась!

Взрослые почему-то рассмеялись.

– Не вижу ничего смешного! – рассердилась я вконец.

Вот ведь какие эти взрослые! Я осталась без шубки, меня вздули, а они ещё и потешаются! Вот соберу много «мангай умчу» и ни за что не поделюсь с ними, никогда не поделюсь!

Мамочка Омни

Была у нас важенка по имени Омни. Я не умела доить важенок, как мама, поэтому она разрешала мне сосать молоко у Омни. Обняв важенку за задние ноги, я на несколько минут превращалась в маленького олешка-тугута. Молоко было вкусное и пахло оленьим мхом ягелем. Родные говорили:

– Омни твоя мамочка.

Потом Омни постарела. Ноги у неё стали больные, она уже не могла ходить под уздечкой. Колени важенки постоянно обдирались. Мама пыталась ей помочь, но упрямая болезнь не слушалась никаких лекарств. Омни теперь не гуляла со стадом, а бродила только возле палатки. Я жалела «мамочку» и после обеда делилась с ней лепёшкой. Омни быстро съедала свою половину и, заглядывая мне в глаза, снова тыкалась в ладонь...

Как-то раз Омни гуляла на травяном взгорке. Я, как всегда, припасла для неё половинку лепешки. Иду и вижу: Омни дерётся с большой худющей собакой. Я закричала что было сил, а когда увидела, что бок важенки красный и с него свисают клочья разодранной шерсти, закричала ещё сильнее. Приближаясь, кинула в дерущихся горсть мелких камней. Вдруг послышался выстрел, и я упала от неожиданности. Из-за пригорка вышла мама с ружьем в руках и сказала сердито:

– Что за бессовестный волчище! Уже возле жилья на оленя напал!

Волк отползал в кусты. Мама снова выстрелила, и он перестал шевелиться. Омни, еле переставляя ноги, двигалась к нам. Я радостно бросилась ей навстречу, но мама поймала меня и закрыла рукой мои глаза, шепча в ухо:

– Не смотри, доченька, не смотри...

Я закричала и принялась выдираться из её рук, а мама упорно тащила меня в палатку. Лёжа на расстеленных там шкурах, я плакала до тех пор, пока не уснула...

– Омни больше нет с нами, – сказали мне утром.

Я уже знала об этом, но непослушные слёзы тут же закапали. На улице висела волчья шкура. Я схватила нож и давай её колоть:

– Вот тебе, вот! Из-за тебя не стало Омни!

Немного успокоившись, стояла долго, молча, глядя на пригорок, где только вчера гуляла моя важенка. Потом я часто приходила с лепёшкой на травяной взгорок, делила её надвое, съедала свою половинку, а после, плача, половинку «мамочки» Омни...

Привези мне солнышко

К нам в гости пришёл незнакомый человек. Говорок у него быстрый, пересыпанный частым смехом. Человек толстенький, и смех круглый, будто камешки с горки катятся. Он даже сидеть не может спокойно, и мне кажется, что гость вот-вот свалится от хохота. И одежда у него другая, на нашу непохожая. Непонятно: то ли он нарядный такой, то ли ему больше надеть нечего. Я сижу рядом и украдкой трогаю полы его пальто. Мама сердито на меня поглядывает. Гость гладит меня по голове:

– Ах ты, вихрастенёкая девчоночка! Ма-ахонькая! Звать-то как?

– Нулгынэт. А тебя?

– Василий Георгиевич. Скоро снова к вам в гости приеду. Какую игрушку тебе привезти?

Я в большом удивлении.

– Камни, что ли? Их и здесь полно, зачем возить.

Гость тоже удивился.

– О каких камнях она говорит? – спрашивает у мамы.

Мама смущена.

– Девочка играет камешками и других игрушек не знает.

– А ведь других игрушек на свете много! – обращается он ко мне. – Например, бегающие машинки, летающие самолётики, разные гудящие, звенящие и поющие игрушки. А для таких девчоночек, как ты, – красивые куклы. Что же тебе привезти?

Я в замешательстве. Не пойму, о чём это он. Поэтому выпаливаю сгоряча:

– Привези мне солнышко!

Гость опять удивился:

– Солнышко?

– Как только замёрзну, повешу в палатке повыше и греться стану!

Я принялась подыскивать место для солнца. Гость тоже осматривается, думает, куда лучше поместить подарок. Хлопнул себя по колену и сказал весело:

– Ну что ж! Привезу тебе солнце!

Мне тоже сразу стало весело. Мечтаю:

– Со всеми, кто в палатках живёт, поделюсь солнышком! Пусть людям всегда будет светло и тепло!

Пенка

У нас была белая, как молочная пенка, собака.

– Пенка, а ну, дров занеси! – кричит, бывало, брат из полога.

Пенка тут же заносит в зубах полешки для топки.

Подражая брату, я велю собаке:

– Пенка, дров занеси!

Та будто не слышит. Я кричу громче. Пенка «не понимает» и, виляя хвостом, ластится ко мне. Тогда я кричу ей в ухо и пытаюсь затолкать полешко в пасть. Обидевшись, собака перескакивает через меня и отбегает в сторону. Вид у неё укоризненный.

Пенка была очень умной собакой. Хоть и не слушалась, а от смерти однажды меня спасла.

Летом во время сильного ливня мы с родными пересекли вздувшуюся от дождя реку. Вдруг мой олень оступился и упал. Я с головой погрузилась в воду, даже крикнуть не успела. Свет померк, в ушах звон, в мозгу одна мысль бьётся: «Сейчас утону... Утону!»

Очнулась – лежу на берегу. Пенка облизывает мне лицо. Хочу сесть, а невозможно, живот какой-то надутый, тяжёлый, голова тоже не поднимается. Тут родные подбежали. Брат перевернул моё тело вниз головой. Сразу вода, как из ливневой тучки, полилась. Он потряс меня ещё, взял на закорки и побежал. Мама растёрла насуху, намазала чем-то тёплым и жирным. Я хорошенько помотала головой, и уши освободились от водяных пробок. Мама то и дело давила на мой живот. Вода продолжала выливаться из меня толчками до тех пор, пока живот не стал худой, как прежде.

Утром я проснулась совсем здоровой и увидела, как мама гладит Пенку, а брат отрезает и даёт ей лакомые кусочки мяса.

Потом всё было, как раньше. Я кричала собаке в ухо, чтобы она принесла дров, а та делала вид, что не слышит и укоризненно на меня посматривала...

Смерч

Мы остались вдвоём с дедом. Он что-то мастерит из железа, я играю железными огрызками. У дедушки всегда припасён кусок сахара для меня. Я этот сахар съедаю не сразу, сососу немного и бережно кладу в карман. Такого лакомства, как у деда, ни у кого нет. Когда на меня находит щедрость, я делюсь кусочком с другими. Тогда они радуются и угощают кто чем может.

Сплю я на дедушкином узорчатом сундуке. Спать на нём удобно и совсем не жёстко. Я люблю просыпаться и видеть, как дед хлопочет над чайником и готовит еду на завтрак.

До завтрака выхожу погулять. Ветра нет, но слышен какой-то странный звук, будто кто-то большой неподалёку ломает ветки. Я зашла за пригорок. Сижусь, играю. Называю камешки и палочки разными именами, они для меня как живые.

Вдруг раздался пронзительный свист ветра и громкий человеческий крик, потом кто-то сердитый принялся греметь посудой. Порыв ветра бросил мне в лицо землю и мелкие щепки. Я покатила с пригорка и вижу: наша палатка летит, как огромная страшная птица, а узорчатый сундук лихо скачет вниз по горе. Деда нигде нет. Наверное, с ветром улетел. Я испугалась и громко заплакала. Вдруг слышу слабый оклик: дедушка подошёл. Одежда на нём местами порвана, лицо в ссадинах...

– Какое счастье, что ты, внучка, на улице заигралась! Он и меня-то, человека взрослого, чуть не убил, а детку малую запросто бы с собой унёс!

– О ком говоришь? Кто чуть тебя не убил?!

– Смерч. Такого сильного, как сегодня, я не помню.

– А ты видел, какой он сильный? – я подумала, что смерч – человек.

- Сама же видела, как жилище летело. Знать, сильный...
- «Неужели сильнее деда?» – удивляюсь я про себя.
- Деда, а что, он тебя на руках подбрасывал?
- Нет у него рук. Смерч – не человек, просто очень – очень сильный ветер. Как щепку меня бросал... Как только жив я остался!
- Дедушка, а значит, я тоже не умерла?
- Что ты, что ты! Вот беда! Такая маленькая! Старушкой станешь, тогда и умрёшь! – Дед часто задыхался, схватился за грудь: – Больше не говори так! – и погладил меня по голове.
- Деда, а ты старик?
- Старик.
- А когда-то был старушкой?
- Был, был, внучка, – рассеянно отвечает он, подбирая непобитую посуду. – Пойдём палатку ставить.
- Я собирала разбросанную повсюду утварь и думала: «Вот и я когда-нибудь стану стариком...»
- К приходу родных у нас уже всё в порядке. Словно и не бывало никакого смерча.

Белый оленёнок

Брат принёс крохотного оленёнка. Он белый, как только что выпавший снежок, шерстка мягкая, блестящая. Я даже среди белых оленят таких белоснежных не видела. Он мне сразу понравился.

– Недоносок, не сегодня, так завтра помрёт. Шкурку снимешь, – сказал брат маме и поспешил обратно в стадо.

Я погладила тугута. Моё сердце больно сжалось от слов брата, в голове зазвенели жалобные колокольца: «Умрёт, умрёт...»

– Спи, не бойся, – шепнула оленёнку. – Если будешь долго спать, скорее вырастешь.

А он и глазки не открывает.

Тут мама подошла с ножом.

– Мамочка, не убивай его, прошу тебя! – закричала я и прикрыла собой малыша.

– Он все равно умрёт, дочка. Недоношенный...

– Не умрёт! – расплакалась я. – Выкормлю...

Оленёнок еле дышал. Хочу покормить – рта раскрыть не в силах. Да ещё, оказывается, передние ножки крепко сжаты, поэтому даже стоять не может. Грудь плоская, мало в такой места для дыхания.

Плачу об оленёнке. Лучше ему не становится. Наоборот, только хуже. Две ночи подряд засыпала я в траве рядом с белым тугутом. А просыпалась в палатке, даже не помня, когда меня занесли.

Утром бегу к оленёнку. Лежит, как пустая шкурка. Из боязни, что собаки могут растерзать моего любимца, держу их на привязи.

– Не мучай бедняжку, и сама не мучайся, – уговаривает мама.

– Не дам убить! – горячо возражаю я.

Наступила третья ночь. Я боюсь, что, когда усну, оленёнка убьют, и стараюсь не спать. Ему трудно дышать. Не знаю, чем помочь, только плачу. Наконец, в отчаянии бужу маму. Мама прижимает меня к себе:

– Ничего не поделаешь...

Умер мой белый оленёнок.

Мама завернула меня, обессиленную от слёз, в одеяло, уложила с собой. А утром тугута уже не было на прежнем месте. Его вообще не стало на свете – белого-белого, белоснежного. Недоношенного...

Собачье ухо

Пастухи отлавливают важенок. Мама собралась их доить.

– Дочка, принеси ведро!

Все вёдра в палатке полны воды. Я стою в нерешительности.

– Эй, вёдра где? – сердится мама.

Я попробовала поднять ведро с водой, но даже сдвинуть с места не удалось. В сердцах пнула ведро ногой. Вода выплеснулась на постель, замочила полы моего пальтишка. Тогда я вылила воду и вынесла ведро. Мама меня похвалила. Она надоила полное ведро молока! Оленьё молоко густое, жирное. Я зачерпнула кружкой, отпила – вкуснотища!

Все пошли обедать, а я осталась. Меня томило недоброе предчувствие. Пастухи вдруг громко закричали. Я испугалась и побежала за стадом к маленькой речушке.

«Подумаешь – мокро! Ничего страшного! Высушат, – успокаивала я себя. – А как высушат, так и забудут о пролитой воде. Только тогда домой вернусь».

Вдруг сзади послышался топот. Я, конечно, припустила изо всех сил, но огромная ручища ухватила меня за плечо. Не растерявшись, я призвала собаку Пенку. Она отозвалась звонким лаем и через минуту напала на моего преследователя. А это, оказывается, пастух Никус. Пенка схватила Никуса за ногу, рычит, головой мотает. Он кричит... Тут прибежала его собака, и они с Пенкой стали драться. Никус сел на землю, а я помчалась домой.

Увидев, как родные развешивают одежду, я почувствовала себя ужасно виноватой и заплакала.

– Не плачь, Никус пошутил, – сказала мама.

Хромая, подошёл Никус. Мама завела его в палатку, чем-то помазала укус на ноге, перевязала белой тряпкой.

– Хорошо, что хоть моя собака вступилась, а то бы твоя Пенка совсем меня съела, – плачет Никус. Горько плачет, даже подвывает. Или опять шутит? Мне всё равно его жалко. Я же не просила Пенку так сильно его кусать!

– Никус, хочешь, я Пенку плакать заставлю?

Я подозвала её и крепко укусила собачье ухо. Пенка жалобно завывала.

Никус от удивления перестал плакать и вдруг оглушительно захохотал. Остальные тоже засмеялись. Я хотела обидеться, но и мне стало смешно.

Ухо Пенке я помазала костным жиром. Другие собаки слизывали жир и лечили Пенку. Ухо зажило быстро, гораздо быстрее Никусовой ноги. Зато меня с тех пор никто не пугал, даже если, бывало, провинюсь.

Туллай

Я раньше не представляла, что, кроме меня, существуют дети. Как себя помню, среди всех такая маленькая была одна я.

Однажды с незнакомой женщиной пришёл смешной человечек.

– Мама, отчего он совсем низенький? – удивилась я.

Мама засмеялась:

– Он просто ребёнок. Такой же, как ты! Потом поиграете вместе.

Женщина нас познакомила. У мальчика было ласковое имя Туллай. Я сказала, что меня зовут Майыс, а второе имя – Нулгынэт.

– Вот и меня зовут Марией, – обрадовалась женщина.

Гостей усадили за стол. Мне не терпелось поиграть. Я дёрнула Туллая за рукав и, показывая свои «сокровища», разлила его чай. Новому другу понравилась моя коллекция разноцветных камешков. Туллай тоже хотел играть, всё время вертелся, поэтому, когда ел мясо, порезался ножом. Показалась кровь, Туллай заревел. Мария осмотрела руку и сказала, что порез неглубокий. Туллай сразу замолчал, и мы пошли играть.

Я заявила как полноправная хозяйка:

– Когда к нам издалека приезжают гости, мы забиваем какого-нибудь олешка. Выбирай из этих, какого тебе больше всех хочется съесть?

Туллай ужасно обрадовался и начал бегать вокруг стада.

– Этого! – закричал он, гоня моего белого тугута.

– Он тощенький, невкусный ещё! – завопила я и с неприязнью подумала: «Ну надо же, из всего большущего стада выбрал именно моего оленёнка!»

Молча посидели на брёвнышке. Туллай присмотрел ветвисторогого оленя старшего пастуха Эрчэни:

– Тогда этого!

Я вспомнила, что Эрчэни обещал мне оленя. Может, этого и отдаст.

– Ладно, гони его в петлю!

Закинула аркан, затянула петлю на оленьих ногах и привязала аркан к дереву.

Из палатки выбежали женщины.

– Зачем поймала?! – закричала мама.

– Радость большая, – сказала я важно. – Туллай приехал. Вкусное мясо надо.

– Но ведь олень принадлежит Эрчэни!

– Эрчэни обещал мне ветвисторогого! – я в это уже сама поверила.

Рвущийся из петли олень упал и подвернул ногу. Мама развязала верёвку, но он почему-то не смог встать. А тут появился его хозяин.

– Ты ведь хотел подарить мне этого оленя, правда? – закричала я, прыгая и пытаюсь заглянуть Эрчэни в глаза. – У меня радость – Туллай приехал!

Пастух посмотрел на моего гостя, на меня, взял Туллая подмышки и подбросил высоко-высоко! Туллай завизжал от радости и страха, а я запрыгала вокруг – тоже от радости. Я поняла, что Эрчэни подарил мне оленя. Я не обманула гостя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.